

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800021454-5

“...В серый пролетарский монастырь под звон рапповских колоколов...”: поэт Владимир Луговской — из “попутчиков” в рапповцы

© 2022 г. Р. Е. Клементьев

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
ruslankle@gmail.com
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2861-6400>

Резюме. В статье по архивным документам и периодике прослеживается путь поэта-конструктивиста Владимира Луговского, начиная с кануна его вступления в РАПП в 1930 г. вместе с Владимиром Маяковским и Эдуардом Багрицким до партийного постановления 1932 г. “О перестройке литературно-художественных организаций”. На фоне трагической судьбы Маяковского, покончившего с собой через два месяца после вступления в РАПП, и его взаимоотношений с рапповским руководством история Луговского предстает, с одной стороны, как удачный пример “перестройки” бывшего попутчика по канонам рапповской идеологии, с другой — как образец правильных взаимоотношений с попутчиками, усвоению которого помешал роспуск РАПП.

Благодарность. Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 20-18-00394) «“Стенограмма”: Политика и литература. Цифровой архив литературных организаций 1920–1930-х гг.».

Ключевые слова: РАПП, литературная политика, архивные документы, Луговской, Маяковский, Багрицкий, поэты-конструктивисты, попутчик, пролетарский поэт.

Для цитирования: Клементьев Р.Е. “...В серый пролетарский монастырь под звон рапповских колоколов...”: поэт Владимир Луговской — из “попутчиков” в рапповцы // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 4. С. 33–42. DOI: 10.31857/S160578800021454-5

“...To a Gray Proletarian Monastery Under the Ringing of RAPP’s Bells ...”: Poet Vladimir Lugovskoy — from “Fellow Travelers” to RAPP-Member

© 2022 Ruslan E. Klementiev

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
ruslankle@gmail.com
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2861-6400>

Abstract. Based on archival documents and periodicals, the article traces the path of the constructivist poet Vladimir Lugovskoy from the eve of his entry into the RAPP in 1930, together with Vladimir Mayakovsky and Eduard Bagritsky, to the party resolution of 1932 “On the restructuring of literary and artistic organizations”. Against the backdrop of the tragic death of Mayakovsky just two months after joining the RAPP and the attitude of the Rapp leadership towards him, the story of Lugovskoy appears, on the one hand, as a successful version of the “*perestroika*” of the former fellow traveler (*poputchik*), according to the canons of Rapp’s

ideology, on the other hand, Lugovskiy's example was to become a model for future relations with fellow travelers, but this was prevented by the dissolution of the RAPP.

Acknowledgements. The research was carried out at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (RNF, project No. 20-18-00394) «“Transcript”: Politics and Literature. Digital archive of literary organizations of the 1920s–1930s».

Key words: RAPP, literary politics, archival documents, V. Lugovskoy, V. Mayakovsky, E. Bagritsky, constructivist poets, *poputchik*, proletarian poet.

For citation: Klementiev, R.E. “...*V seryi proletarskii monastyr' pod zvon rappovskikh kolokolov...*”: Poet Vladimir Lugovskoy: iz “*poputchikov*” v rappovtsy [“...To a Gray Proletarian Monastery Under the Ringing of RAPP's Bells...”: Poet Vladimir Lugovskoy – from “Fellow Travelers” to RAPP-Member]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 4, pp. 33–42. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800021454-5

Владимир Александрович Луговской (1901–1957) вошел в поэзию в середине 1920-х годов и стал характерной фигурой советской литературы в период своего членства в Российской ассоциации советских писателей (1930–1932 гг.), т.е. в последние годы существования этого объединения перед постановлением “О перестройке литературно-художественных организаций”, положившим конец литературной групповщине.

Если история вступления Луговского в РАПП хорошо изучена [1]; [2]; [3]; [4], то период его членства в Ассоциации исследован меньше. В настоящей статье на основе впервые выявленных в Отделе рукописей ИМЛИ РАН новых архивных материалов не только приводятся новые подробности этого этапа в жизни поэта, но также реконструируется стратегия работы рапповского руководства с новыми членами Ассоциации – с попутчиками.

К концу 1929 г. Луговской был одним из самых заметных поэтов-конструктивистов наряду с Э. Багрицким и И. Сельвинским. Уже были изданы его знаковые книги “Сполохи” (1926) и “Мускул” (1929); сам Луговской – активной участник литературной жизни: в мае 1929 г. он побывал в составе писательской бригады на Урале и Северном Кавказе; был избран первым председателем правления клуба ФОСП. Рапповская печать не обходила вниманием Луговского, но первые пространственные разборы его поэзии передоверила главному теоретику Литературного центра конструктивистов (ЛЦК) Корнелию Зелинскому [5]. Предоставив трибуну “заинтересованной стороне”, редколлегия журнала “На литературном посту” отмежеввалась от оценок Зелинского, интересных, как было отмечено в редакционном примечании, только с точки зрения знакомства с мировоззрением ряда представителей советской интеллигенции [5, с. 50]. Вторая поэтическая

книга Луговского – “Мускул” – в рецензии критика журнала “На литературном посту” А. Тарасенкова была охарактеризована как «поэзия органичная, т.е. в глубокой степени искренняя, “нутряная”», но политически поверхностная и зависимая от влияния “основного учителя” – И. Сельвинского [6]. С однозначно положительным откликом на творчество Луговского на страницах рапповского издания выступил молодой поэт Л. Шемшелевич, назвавший стихи Луговского как одну из “творческих побед пролетарской литературы и левого фланга попутчиков” наряду с “Тихим Доном” М. Шолохова, “Брусками” Ф. Панферова и др. [7, с. 72].

Начало нового этапа взаимоотношений РАПП с писателями-“попутчиками” принято отсчитывать от программной статьи “За консолидацию коммунистических сил пролетарской литературы”, опубликованной в “Правде” 4 декабря 1929 г. Спустя два месяца, накануне Первой областной конференции МАПП, 31 января 1930 г. в статье “Наши задачи”, опубликованной “Правдой”, конкретизировалась стратегия РАПП в отношении попутчиков в реконструктивный период: “Напряженность обстановки заставляет сделать выбор: либо окончательно перейти в лагерь честных союзников пролетариата, либо быть отброшенными в ряды буржуазных писателей” [25]. Статья призывала к изжитию групповщины и жесткой самокритике и объявляла консолидацию всех литературных сил вокруг РАППа.

Самым значительным событием упомянутой конференции МАПП стало вступление в РАПП В. Маяковского, обычно описываемое в истории литературы как один из важных признаков мировоззренческого кризиса поэта, всего через два месяца поставившего “точку пули в своем конце” (“Флейта-позвоночник”, 1915). Однако рапповский эпизод жизни Маяковского важен

не только для творческой биографии поэта, но и с точки зрения институциональных процессов пролетарской литературы. В статьях Д.С. Московской попытки Маяковского вписаться в ценностную парадигму РАППа и ответы пролеткритиков на это стремление впервые были рассмотрены как более общая проблема взаимоотношений интеллигенции и пролетарско-партийных функционеров эпохи первой пятилетки [22]; [23] и как значимый итог рапповской борьбы за “консолидацию пролетарских литературных сил” под своим началом. РАПП, при поддержке Отдела печати ЦК ВКП(б), взял на себя роль ОГПУ в литературе – роль разоблачителя врагов советской власти в писательской среде. Очевидно, что единственным путем самосохранения литераторов непролетарского происхождения в этих условиях было вступление-слияние с РАППом. С конца 1929 г. решается вопрос приема в РАПП бывших “переверзевцев” из рядов слушателей Комакадемии, Института красной профессуры и РАНИОН. В 1930 г. продолжается долгая и сложная история взаимоотношений РАППа и группы писателей “Кузница”; “сдаются” в РАПП писатели и поэты Литературного центра конструктивистов.

Среди вступивших в РАПП конструктивистов особо выделяются фигуры поэтов Владимира Луговского и Эдуарда Багрицкого. Они принимались в РАПП отдельно и раньше остальных представителей ЛЦК как “наиболее близкие пролетариату”. Как показывают архивные материалы, Луговской всерьез и, как представляется, искренне стремился завоевать рапповское признание и звание “настоящего” пролетарского поэта.

Еще в начале декабря 1929 г. и Луговской, и Багрицкий опровергали слухи о своем уходе из ЛЦК. Багрицкий с возмущением опровергал причастность к некой организации “Пролетарских рационалистов”, к которой его “приписал” в выступлении по радио И. Уткин [11]. Луговской, хотя и отрицал в “Литературной газете” свое намерение войти в РАПП, не исключал, однако, такой возможности в перспективе: “Относясь со всяческой симпатией к РАПП (так же, как и мои товарищи по ЛЦК), я считаю, что организационное объединение может состояться только в общем порядке, то есть постановлением ЛЦК и РАПП. <...> Конструктивизм, по моему мнению, может явиться одним из течений пролетарской поэзии” [12]. И несмотря на эти заявления, Луговской и Багрицкий идут в РАПП раньше основного состава ЛЦК и одновременно с Маяковским. В обзоре итогов Первой областной конференции МАПП “Вечерняя Москва” комментировала

прием Луговского и Багрицкого в РАПП словами В. Ермилова, утверждавшего, что своим заявлением поэты преодолели главную ошибку конструктивистов – противопоставление интеллигенции рабочему классу [13]. Надо заметить, что ярлыки “пролетарский писатель”, “пролетарский поэт”, равно как и интеллигент-“попутчик”, в рапповской терминологии имеют смысл политико-бюрократический. Как бы ни определяли содержание понятия “настоящей” пролетарской поэзии или прозы пролетарские теоретики, по факту “заслужить” это “звание” можно было, только влившись в ряды Ассоциации. Напомним известные слова Маяковского из выступления 1925 г.: “Вот товарищ Артем Веселый, когда был в ВАППе, был пролетарским писателем, а когда остался в Лефе – стал попутчиком. <...> Таким образом, в два счета происходит перевод из пролетарских писателей в попутчики и из попутчиков в пролетарские писатели” [14, с. 522].

В редакционной статье “На литературном посту”, посвященной итогам мапповской конференции, вступление Маяковского, Луговского и Багрицкого в РАПП характеризовалось как пример тяги советской интеллигенции к пролетариату: “Органически включиться в пролетарскую действительность, стать одним из ее элементов – вот к чему должно сводиться стремление революционной интеллигенции. <...> Само собой разумеется, что вступление этих товарищей в РАПП отнюдь не означает, что они стали пролетарскими писателями. Им еще предстоит сложная и трудная работа над собой для того, чтобы стать пролетарскими писателями, и напостовское, большевистское ядро пролетарской литературы должно оказывать всяческую помощь им в этом отношении” [15, с. 4]. Главному рапповскому органу вторила и редакционная статья журнала “Рост”, ориентированного преимущественно на членов литкружков и рядовых членов АППов. Здесь было высказано сомнение в реальном преображении новых членов в подлинных пролетарских поэтов. По мнению “Роста”, этот прием лишь увеличил прослойку “внутреннего попутничества” [16]. Иначе говоря, после формальной фиксации членства Маяковского в рядах РАПП последний не был готов к безоговорочному включению поэта в пролетарскую писательскую “семью”. Как пишет Д.С. Московская, после вступления в Ассоциацию «Маяковский так и не был усыновлен РАПП. <...>. Поэт был принят “как один из самых близких пролетариату художников” <...>. Но все же – не родной» [10, с. 244].

Руководство РАПП поставило творчество новых членов на особый контроль: “Есть чрезвычайная опасность, что некоторые критики в восторге от фактов вхождения талантливых попутчиков в РАПП начнут расценивать их творчество уже как стопроцентно пролетарское. <...> Возрастает ответственность РАППа и перед начинающими писателями. <...> Молодой писатель будет учиться у попутчика, думая, что усваивает элементы пролетарского творчества” [17].

В информационном письме “фракциям всех АПП” от 15 марта 1930 г. была сформулирована официальная позиция в отношении Маяковского, Луговского и Багрицкого: “Если основная литературно-политическая сущность творчества Маяковского за годы революции в общем такова, что делает его личное вступление в РАПП естественным (чего отнюдь нельзя сказать о группе РЕФ в целом), то это однако не значит, что в нем, в частности, в его методе, нет таких элементов, которые нельзя расценивать иначе, чем путнические, отнюдь не идущих по генеральной линии пролетлитературы, что далее он эти особенности своего творчества изжил. <...> То же самое должно быть сказано и в отношении т.т. Луговского и Багрицкого, в творчестве которых до сих пор не изжиты чисто интеллигентские проблемы, специфический угол зрения, которые тем не менее, будучи более творчески молодыми, нежели Маяковский, имеют, следовательно, свои преимущества”¹.

Новопринятые начали активную деятельность, стремясь показать себя в обновленном качестве. 24 февраля 1930 г. в Клубе писателей (ул. Воровского, 52) состоялся вечер-дискуссия на тему “Как читать стихи”. Среди выступающих поэтов в объявлении были заявлены Асеев, Багрицкий, Луговской, Кирсанов, Маяковский, Каменский, Сельвинский, а также чтецы и поэты [19]. 6 марта – литературный вечер Багрицкого и Светлова в Доме печати [20]. В марте Луговской в составе писательской бригады МАПП работает вместе с Агаповым, критиком Беком и др. на заводе “Амо” [21]. 16 марта – доклад Багрицкого “Моя работа под микроскопом” в кабинете начинающего писателя ФОСП [22]. 22 марта 1930 г. Луговской отправляется в первую поездку по Туркмении в качестве члена первой ударной бригады писателей, в которую вошли также Вс. Иванов, Н. Тихонов, П. Павленко, Л. Леонов и Г. Санников [2, с. 652]. Луговской, у которого в начале

1930 г. вышла третья поэтическая книга – “Страдания моих друзей”, начинает в Туркмении работать над новым своим поэтическим сборником, первым после вступления в РАПП. Во время пребывания Луговского в Туркмении в Москве происходят значимые литературные события: “капитулирует” и “сдается” РАППу ЛЦК, бывшие товарищи Луговского и Багрицкого пытаются стать внутрирапповской Бригадой М1, но принимаются в РАПП с недоверием, теперь им придется бесконечно публично раскаиваться в своем прошлом; смерть Маяковского еще больше усложняет положение бывших конструктивистов, которых “Комсомольская правда” обвиняет в попытке спекуляции на его памяти, – идет печатная полемика “Комсомольской правды” и РАПП (подробнее о взаимоотношениях ЛЦК в целом и РАПП см.: [23]).

Внутри главной пролетарской литературной организации также идет борьба “старожилов” против новых членов из бывших попутчиков, продиктованная, как показала Д.С. Московская [24, с. 93], писательской ревностью. Ее обнаруживают сатирические страницы “На литературном посту”, посвященные недавно вступившему в РАПП Луговскому: “Возле Сельвинского, / Зелинского возле, / Жил-был у бабушки / Серенький козлик. / Захотелось козлику / В мэтры, / В кентавры... / И остались от козлика – / Гетры / Давлавы...” [25].

Не иначе как ревностью и ущемленным самолюбием продиктован и весьма любопытный архивный документ – отправленное во фракцию РАПП письмо поэта-рапповца М.П. Юрина от 21 апреля 1930 г. В нем он протестовал против имеющего место, по его мнению, чрезмерного внимания к новым кадрам – “слащавое заигрывание с попутчиками”; “нежно-лиловое отношение к поэтам и поэтикам из породы хотя бы конструктивистов” – в ущерб старым рапповцам: «...Начинается выбрасывание за борт нашего пролетарского литературного корабля таких подлинно наших поэтов, как Жаров, Безыменский и прочие. И тут появляются теории и рассуждения <...> об учебе у “подлинных” мастеров слова из конструктивистского стана и тут выплывают на поверхность заявления и заявления вроде: “Собственно почему Жаров, Безыменский или, например, Юрин – пролетарский поэт? А почему с таким же успехом не назвать пролетарским поэтом хотя бы Луговского? Ведь у нас пока еще нет ни своей формы, ни своего стиля, а метод конструктивистов – метод действенный, метод

¹ ОР ИМЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 752. Л. 34–35; Впервые опубликовано в комментариях Е.А. Диннерштейна к письмам Э. Багрицкого: [18, с. 455].

идейно насыщенный и т.д. и т.п.” И Луговской действительно стал “пролетарским поэтом”².

РАПП, вынужденный лавировать и откровенно бороться с непрекращаемой, несмотря на кризис отношений с читателями и литераторами, прижизненной репутацией Маяковского как настоящего, не нуждающегося в рапповском одобрении пролетарского поэта, был поставлен в еще более сложную ситуацию после трагедии 14 апреля 1930 г. Траурные материалы газет были заполнены “опасными” оценками жизни и творчества погибшего поэта, а в литературных кулуарах ходят “контрреволюционные” слухи и домыслы. В довершение официальное обращение секретариата РАПП по поводу нездоровой литературной обстановки, вызванной самоубийством поэта, не печатают ни “Правда”, ни “Литературная газета”. РАПП, паникуя, обращается 26 апреля с письмом к Сталину и Молотову с просьбой вмешаться и навести порядок: “...нам нужно направить силы на борьбу с нездоровыми настроениями советского писательства и части молодежи, нужно вести нормальную литературную работу, и в частности приступить к серьезной критической оценке того огромного и ценного наследия, которое оставлено Маяковским”. В резолюции Молотова от 28 апреля предлагалось «поручить кому-либо из авторов записки дать статью по затронутому ими вопросу в “Правде»» [26]. Статья, посмертно жестко прорабатывающая великого поэта, появляется 19 мая под невинным заглавием “Памяти Маяковского” [27].

О смерти Маяковского Луговской узнает, находясь в первой поездке по Туркменистану, где начинает писать первую часть книги “Большевикам пустыни и весны”. По возвращении он продолжает вести активную литературно-общественную деятельность, которую многие, вероятно, воспринимали как показную попытку выслужиться перед официальными пролетарскими институтами. Летом 1930 г. Луговской участвует в работе нового мапповского объединения “Коммуна поэтов”: 1 июля на собрании “Коммуны” делает доклад о поездке в Туркменистан и читает новые стихи; 10 июля вместе с Багрицким, Сурковым, Голодным и Дементьевым едет в Тулу на оружейный завод [35] и т.д. В конце июля участвует в создании ЛОКАФ (Литературное объединение Красной армии и флота). В августе командирован от ЛОКАФ за границу, готовит по итогам этой поездки поэтическую книгу “Европа”. Зимой 1930 г. принимает участие в конференции революционных писателей в Харькове. В 1931 г. снова

едет в Среднюю Азию, где несколько месяцев работает в рядах пограничных войск, пишет вторую книгу “Большевикам пустыни и весны”.

Критики журнала “На литературном посту” следят за успехами Луговского на пути к признанию его пролетарским поэтом. В ноябре 1930 г. вышла статья Б. Петровского “Вл. Луговской и эпоха пролетарской революции” [26]. В январе 1931 г. печатается статья Б. Кора “Не попутчик, а союзник или враг”, в названии которой очевидна смена идеологических доминант. Понятие “попутчик” слишком аморфно: в условиях ударных лет пятилетки РАППу нужны союзники, готовые противостоять врагам пролетарской литературы, тогда как враги — подлежат уничтожению. О Луговском здесь сказано: “Недавний попутчик, талантливый и молодой поэт Луговской, <...> — этот поэт, несмотря на ряд важных недостатков, приносящих его творчеству, оказывается уже таким союзником, который имеет серьезные шансы стать пролетарским писателем” [28].

В феврале 1931 г. в статье “Творческие пути пролетарской поэзии” А. Селивановский, полемизируя с тезисом Н. Полетаева о невозможности стать пролетарским поэтом поэту из интеллигентов, обреченных “остаться в плену мелкобуржуазной идеологии”, привел в пример классовую перестройку Луговского: “Творческий путь Луговского есть путь революционной переделки, — путь (хотя лишь начатого) пролетарского перевооружения революционно-союзнического поэта” [29, с. 19].

Неудивительно, что усердие Луговского под крылом РАППа, вознаграждавшееся положительными, хотя и сдержанными, откликами рапповской критики, вызывало зависть и злословие. Недобрая ирония по поводу рьяной и разнообразной активности Луговского сквозит в поэтической сатире “Человек-оркестр” в мартовском номере “На литературном посту” за 1931 г.: “От Арбата до Тверской / Оглушает Луговской / Революции кентавр! / Гром победы, / Звон литавр. / Звуков полное лукошко, / Вообще — мажорный тон: / Колокольчики, / Гармошка, / Барабан и / Флексотон. / Инструментов — / Штук за тридцать. / Превнушительный / реестр. / Как в народе говорится: — / Каждый / Сам / Себе / Оркестр!” [30].

24 сентября 1931 г. состоялось Совещание творческого актива МАПП³, на котором был представлен и обсужден отчет Луговского

² ОР ИМЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 425. Л. 3–4.

³ Стенограмма совещания творческого актива МАППа 24 сент. 1931 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 158 (МАПП). Оп. 1. Ед. хр. 16.

о проделанной за полтора года работе. Даже простое перечисление достижений Луговского должно было составить мнение о полном соответствии его трудов идеологическому курсу РАППа. Здесь и работа над поэтической книгой “Большевикам пустыни и весны” (1930), которой предшествовала четырехмесячная поездка в Среднюю Азию, Туркменистан и Узбекистан в составе ударной писательской бригады. Выступил Луговской и как один из организаторов ЛОКАФа, сплавал как военный корреспондент с Черноморским флотом в Грецию, Турцию и Италию. С ноября по февраль обрабатывал этот материал, положив в основу своей пятой книги стихов “Европа”, на момент обсуждения еще готовившейся к печати в издательстве “Федерация”. Говорил он и о своих творческих планах, о новой поездке в Среднюю Азию, чтобы написать еще одну книгу, не отвлекаясь уже на азиатскую экзотику. В отчете Луговского присутствовала предписанная РАППом самокритика. Он старательно перечислял допущенные им ошибки и “грехи”, не забывая о малейших отступлениях от принципа простоты и ясности мысли, определяющих чертах пролетарской поэзии. Однако не избежал вопроса о сущности “ошибок конструктивизма”⁴ и снова пустился в самоосуждение и рассказ о том, как он борется с наследием конструктивизма в себе, со своим “ячеством”, индивидуализмом и мучительно стремится к требуемой простоте. При обсуждении всплыла болезненная тема “внутреннего попутничества”: несмотря на все усердие Луговского, на декларированный им отказ от прошлого, признавать его своим полноправным членом РАПП не спешил. Однако в заключительном слове председателя совещания секретаря МАППа Н. Борового было признано, что доклад Луговского опровергает мнение, что перестройка попутчика в пролетарского поэта невозможна: “Я не говорю, что Луговской настолько смог перестроиться в своей работе, что можно будет сказать, что поэзия Луговского есть действительно настоящая пролетарская поэзия. <...> Важно, что он включился в эту действительность не как созерцатель, не как поэт с высокой башни, а как активный участник этой действительности, этой борьбы. <...> Но одновременно то неокрепшее достаточно еще миросозерцание сказывается <...> в последних его стихах”⁵.

Итак, РАПП, хотя и признавал успехи Луговского, все же отказывал ему в соответствии искомого статуса пролетарского поэта. Ситуация кардинально изменилась через несколько месяцев — и

уже без деятельного участия Луговского. В феврале 1932 г. началась подготовка к поэтическому соещанию. Постановление о созыве второго производственного совещания поэтов было принято секретариатом РАПП 22 февраля 1932 г.⁶ В качестве “генеральной репетиции” был запланирован новый отчет Луговского, как будто бы забыв о недавнем, прошедшем в сентябре 1931 г. обсуждении его творческих достижений. 4 марта 1932 г., завершая заседание секретариата РАПП, Л. Авербах сообщил: “На днях будет 2-я годовщина приема в РАПП Луговского и Багрицкого. Это первый опыт по приему в РАПП наиболее близких нам союзников. Мы должны проверить, правильно ли мы сделали, или неправильно, и с другой стороны, чтобы товарищи сказали, что им дал РАПП, чтобы они покритиковали. О Луговском нет никакого сомнения, что линия его развития — есть линия наибольшего приближения к нам”⁷.

Итак, Луговской стал главной фигурой заседания 10 марта 1932 г.⁸ Луговской рассказал о том, что для него “стояла проблема зарождения нового поэта, нового писателя, который действительно скажет большим голосом и простыми словами, понятным всем языком без того словоблудия и без того упадочничества и чрезмерной условности<sic>, до которых дошли наши поэты, скажет большими словами большую правду наших дней”⁹. Среди слов о стремлении к массовости творчества, к простоте, но значительности, был разбор “ошибок”, “творческая самокритика” его поэтических книг, очередные оправдания за строчку “Возьми же меня в переделку и двинь, грохоча, вперед...”, за которую его любили ругать последние два года; были слова об успешном отказе ради объективности от своего “я” в книге “Европа”; не без торжества сообщил он и о том, что больше не будет писать вещи, подобные “Песни о ветре”, где сменяются 26 ритмов. Поэт нашел в себе силы упрекнуть рапповских критиков в недостаточном внимании к его поэзии, они почти ничего не написали после выхода книги “Большевикам пустыни и весны”: “Мне объясняли так: если иного можно легко отнести к какой-то категории, то ты выбиваешься из категории. Это говорили с грустью, как будто бы так, чтобы я сам напросился в какую-то категорию”¹⁰.

⁶ ОР ИМЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 175. Л. 1.

⁷ ОР ИМЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 79.

⁸ Стенограмма сохранилась в ОР ИМЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 69.

⁹ ОР ИМЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 2 об.

¹⁰ Там же. Л. 21.

⁴ Там же. Л. 18.

⁵ Там же. Л. 43.

При обсуждении доклада Луговскому хотя и указали на оставшиеся “недостатки”, по преимуществу его все же хвалили, и тон отзывов разительно отличался от дискуссии в сентябре 1931 г. По иронии один из выступавших посетовал на то, что стихи Луговского формально обеднели: “...я лично обращаю внимание на то, что в самых разнообразных местах у него повторяется ритм. Получается, как будто бы бедность ритмом. Вы посмотрите, как у него совершенно разные стихи написаны по существу одинаковым ритмом”¹¹. Неоднозначную реакцию вызвала и идея пьесы “Граница”, задуманной Луговским на основе реальных событий. По сюжету большая группа туркменских пограничников должна была противостоять огромной банде басмачей. Перед лицом смерти пограничники должны были принять в партию единственного среди них беспартийного. И, продолжая перестреливаться с басмачами, они устраивают по всем требованиям устава заседание партийной ячейки и задают кандидату полагающиеся вопросы. Гипертрофированная партийность фабулы смутила слушателей, почувствовавших сатирический потенциал сцены, хотя никто не решился однозначно высказаться против¹². В выступлении Жарова прозвучала мысль о важности новой оценки достижений Луговского для целей рапповского руководства литературой: Луговской оказался ярким первым примером перестроившегося в рапповцы интеллигента и “известным опытом, который мы можем распространять и уже распространяем в известной мере на некоторые другие близкие нам попутнические слои”¹³.

17 марта “Литературная газета” лишь кратко упомянула о прошедшем отчете Луговского [31], однако 23 марта дала полноценный обзор прошедшего заседания с оценкой отчета Луговского, творчество которого, несмотря на остатки индивидуализма, налет романтизма, некоторую абстрактность и риторику, едва ли не в первый раз было названо рапповским. Луговской, как сообщала “Литературная газета”, свидетельствует о правильности рапповской “линии на приближение к пролетариату и перестройку лучшей части интеллигенции”, а также общего “курса на размежевку” попутчиков с целью перехода их лучшей части в союзники пролетарской литературы [32].

¹¹ Там же. Л. 51 об.

¹² Там же. Л. 18.

¹³ Там же. Л. 28.

16–22 апреля 1932 г. состоялось второе поэтическое совещание, к которому РАПП готовил Луговского как вставшего на пролетарские рельсы поэта-интеллигента, доказавшего на своем примере эффективность самокритики и действенность вовлечения литератора в социалистическое строительство. “Чествование” Луговского началось уже в первые дни совещания. Опыт творческого и идеологического общения РАПП с Луговским с целью обращения его в пролетарского писателя оценивался в речи Авербаха как успешная модель работы с интеллигенцией.

Сам Луговской выступил 18 апреля. Его доклад имел отчасти характер воспоминания. Луговской вспоминал о тех, кто отговаривал некогда от вступления в РАПП с его жесткой партийной дисциплиной и идеологическим доктринерством: «от цветов, от любви, от прочей буколки, от всего, чего угодно, я должен был, по их мнению, отказаться и идти “в серый пролетарский монастырь” под звон рапповских колоколов. <...> А чем оказались мой “тупик” и моя “келья” и рапповский “колокольный звон”? Это был огромный выход во внешний мир из кризисного состояния личного “я”, из кризисного тупика в мир тем и идей, мир, ничем не стесненный. РАПП для меня был настоящей школой — и политической, и литературной»¹⁴. Еще до окончания совещания речь Луговского в спешном порядке была подготовлена для печати и в сокращенном виде вышла 21 апреля в “Известиях” [33] под заглавием “Мой путь к пролетарской литературе”. Очевидно, что переход Луговского из попутчиков-интеллигентов в пролетарские поэты был легитимизирован. 20 апреля¹⁵ ему было доверено председательствовать на вечернем заседании, а 22 апреля¹⁶ закрыть совещание: “...Это совещание показало, что старые кадры РАПП могут быть теперь более спокойными в некоторых смыслах, со всех четырех сторон двигаются новые подкрепления, со всех холмов видны штыки нового пополнения призыва ударников в литературу. На этом объявляю второе производственное совещание поэтов РАПП закрытым”¹⁷.

Поэтическое совещание, на котором фигура Луговского стала своего рода символом успеха

¹⁴ ОР ИМЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 29.

¹⁵ Стенограмма вечернего заседания второго поэтического совещания 20 апреля 1932 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 181.

¹⁶ Стенограмма вечернего заседания второго поэтического совещания 22 апреля 1932 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 184. Л. 1–69.

¹⁷ Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 184. Л. 69.

новой политики РАПП в отношении непролетарских писателей и свидетельством перестройки руководства Ассоциации, стало последним в жизни РАППа. 23 апреля постановлением “О перестройке литературно-художественных организаций” он прекратил свое существование.

Доклад Луговского был опубликован еще раз в новой редакции в майском номере “Красной нови” 1932 г. [34] в качестве документа “очень серьезного общественно-политического значения”: перестройку Луговского редакция журнала стремилась представить успехом не ликвидированного РАППа, а партийного руководства искусством и литературой. По словам авторов редакционного предисловия к публикации, Луговской “показывает глубокую жизненность и правильность линии партии на перестройку писателей, вышедших из рядов интеллигенции” [34, с. 175].

В самом начале 1933 г. вышел новый том Литературной энциклопедии, включавший статью Ан. Тарасенкова о Луговском. Пострапповские официальные оценки творчества поэта в целом соответствовали рапповским формулировкам весны 1932 г. и не пересматривались: “Не до конца преодолевший романтическую абстрактность художественного метода, не умеющий подчас дать показа конкретных человеческих образов, Л. на сегодняшнем этапе своего творчества, однако, закономерно входит в русло пролет. поэзии. Творчество Л. чрезвычайно богато достижениями современной поэтической техники. Богатство и разнообразие стихотворных приемов Л. ставят его в ряд крупных мастеров современной поэзии” [18].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Громова Н. Узел. Поэты. Дружбы. Разрывы. Из литературного быта конца 20-х–30-х годов. М.: Corpus, 2015. 608 с.
2. Коваленко С.А. Поэты-конструктивисты // Портреты поэтов. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 612–656.
3. Коваленко С.А. Романтики боев и походов: Николай Тихонов, Эдуард Багрицкий, Владимир Луговской, Михаил Светлов // Портреты поэтов. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 657–712.
4. Прилепин З. “Пока капкан судьбы не щелкнул...” Слово про Луговского // Прилепин З. Непохожие поэты. Трагедии и судьбы большевистской эпохи: Анатолий Мариенгоф, Борис Корнилов, Владимир Луговской. М.: Молодая гвардия, 2015. С. 243–365.
5. Зелинский К. Кентавр революции (О Владимире Луговском) // На литературном посту. 1929. № 6 (март). С. 42–50.
6. Тарасенков А. [Рецензия на книгу В. Луговского “Мускул”] // На литературном посту. 1929. № 14 (июль). С. 65–66.
7. Шемшелевич Л. О художественной литературе второй ступени и рабочем читателе // На литературном посту. 1930. № 2 (январь). С. 71–74.
8. Новые задачи // Правда. 1930. 31 января. С. 3.
9. Московская Д.С. “Я по существу мастеровой, братцы...”: Владимир Маяковский в реминисценциях пьесы Андрея Платонова “Высокое напряжение” // Русская литература. 2012. № 1. С. 178–192.
10. Московская Д.С. Андрей Платонов и литературные институты. К вопросу о комментировании произведений эпохи социалистической реконструкции // Studia Litterarum. 2019. Т. 4, № 4. С. 232–251.
11. Петровский Б. Вл. Луговской и эпоха пролетарской революции // На литературном посту. 1930. № 21–22 (ноябрь). С. 42–45.
12. Письма в редакцию // Литературная газета. 1929. 2 дек. С. 4.
13. Кут А. Кризис пролетарской поэзии // Вечерняя Москва. 1930. 10 февр. С. 3.
14. Галушкин А.Ю. Над строкой партийного решения. Неизвестное выступление В.В. Маяковского в ЦК РКП(б) // Творчество В.В. Маяковского в начале XXI века: Новые задачи и пути исследования. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 509–539.
15. В наступление по всему фронту (Основные итоги 1-й областной конференции МАПП) // На литературном посту. 1930. № 4 (февраль). С. 1–5.
16. На переломе: Итоги конференции МАПП // Рост. 1930. № 2. С. 7.
17. Два пути // Резец. 1930. № 6 (февр.). С. 1.
18. Литературная энциклопедия. Т. 6. М.: ОГИЗ РСФСР, гос. словарно-энцикл. изд-во “Сов. Энцикл.”, 1932.
19. Вечерняя Москва. 1930. 24 февр. С. 4.
20. Вечерняя Москва. 1930. 6 марта. С. 4.
21. Вечерняя Москва. 1930. 11 марта. С. 3.
22. Вечерняя Москва. 1930. 15 марта. С. 3.
23. Корниенко Н.В., Кlementьев Р.Е. Литературный центр конструктивистов на пути в РАПП (К истории литературной жизни рубежа 1920–1930-х гг.) // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 3. С. 304–321.
24. Московская Д.С. Пролетарская литература как проект // Новое литературное обозрение. 2021. № 5. С. 80–93.

25. Швецов С. На Луговского // На литературном посту. 1930. № 5–6 (март). С. 122.
26. После рокового выстрела: Владимир Маяковский и “неистовые ревнители” // Правда. 1988. 22 июля. С. 4.
27. Авербах Л., Сутырин В., Панферов Ф. Памяти Маяковского // Правда. 1930. 19 мая. С. 4–5.
28. Кор Б. Не попутчик, а союзник или враг // На литературном посту. 1931. № 2 (январь). С. 40. (39–40).
29. Селивановский А. Творческие пути пролетарской поэзии [часть 2] // На литературном посту. 1931. № 6 (февраль). С. 18–25.
30. Человек-оркестр // На литературном посту. 1931. № 8 (март). С. 39.
31. Творческий отчет В. Луговского // Литературная газета. 1932. 17 марта. С. 4.
32. Кто оказался прав? Творческий отчет В. Луговского // Литературная газета. 1932. 23 марта. С. 1.
33. Луговской В. Мой путь к пролетарской литературе. (Из доклада на поэтическом совещании в РАПП) // Известия. 1932. 21 апр. С. 4.
34. Луговской В. Мой путь к пролетарской литературе // Красная новь. 1932. № 5. С. 175–188.
35. Как мы работаем // Литературная газета. 1930. 5 июля. С. 3.
- Lugovsky)]. *Na literaturnom postu* [At the Literary Post]. 1929, No. 6 (March), pp. 42–50. (In Russ.)
6. Tarasenkova, A. [Retsenziia na knigu V. Lugovskogo “Muskul”] [Review of the Book by V. Lugovsky “Muscle”]. *Na literaturnom postu* [At the Literary Post]. 1929, No. 14 (July), pp. 65–66. (In Russ.)
7. Shemshelevich, L. *O khudozhestvennoi literature vtoroi stupeni i rabochem chitatele* [On Fiction of the Second Stage and the Working Reader]. *Na literaturnom postu* [At the Literary Post]. 1930, No. 2 (January), pp. 71–74. (In Russ.)
8. *Novye zadachi* [New Tasks]. *Pravda* [Truth]. Jan. 31, 1930, p. 3. (In Russ.)
9. Moskovskaya, D.S. “Ia po sushchestvu masterovoi, bratysy...”: Vladimir Maiakovskii v reministsentsiakh pjesy Andreia Platonova “Vysokoe napriazhenie” [“I am Essentially a Workman, Brothers...”: Vladimir Mayakovsky in Reminiscences of Andrey Platonov’s Play “High Voltage”]. *Russkaia literatura* [Russian Literature]. 2012, No. 1, pp. 178–192. (In Russ.)
10. Moskovskaya, D.S. *Andrei Platonov i literaturnye institutsii. K voprosu o kommentirovanii proizvedenii epokhi sotsialisticheskoi rekonstruktsii* [Andrei Platonov and Literary Institutions. To the Question of Commenting on the Works of the Era of Socialist Reconstruction]. *Studia Litterarum*. 2019, Vol. 4, No. 4, pp. 232–251. (In Russ.)
11. Petrovsky, B. *VI. Lugovskoi i epokha proletarkoi revoliutsii* [VI. Lugovskoy and the Era of the Proletarian Revolution]. *Na literaturnom postu* [At the Literary Post]. 1930, No. 21–22 (Nov.), pp. 42–45. (In Russ.)
12. *Pisma v redaktsiiu* [Letters to the Editor]. *Literaturnaya gazeta* [Literary Newspaper]. Dec. 2, 1929, p. 4. (In Russ.)
13. Kut, A. *Krizis proletarskoi poezii* [The Crisis of Proletarian Poetry]. *Vecherniaia Moskva* [Evening Moscow]. Feb. 10, 1930, p. 3. (In Russ.)
14. Galushkin, A.Yu. *Nad strokoi partiinogo resheniia. Neizvestnoe vystuplenie V.V. Maiakovskogo v TsK RKP(b)* [Above the Line of the Party Decision. Unknown Speech by V.V. Mayakovsky in the Central Committee of the RCP(b)]. *Tvorchestvo V.V. Maiakovskogo v nachale XXI veka: Novye zadachi i puti issledovaniia* [V.V. Mayakovsky at the Beginning of the 21st Century: New Tasks and Ways of Research]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2008, pp. 509–539. (In Russ.)
15. *V nastuplenie po vsemu frontu (Osnovnye itogi 1-j oblastnoi konferentsii MAPP)* [On the Offensive Along the Entire Front (Main Results of the 1st Regional Conference of the MAPP)]. *Na literaturnom postu* [At the Literary Post]. 1930, No. 4 (February), pp. 1–5. (In Russ.)
16. *Na perelome: Itogi konferentsii MAPP* [At the Turning Point: Results of the MAPP Conference]. *Rost* [Growing]. 1930, No. 2, p. 7. (In Russ.)
17. *Dva puti* [Two Ways]. *Rezets* [Cutter]. 1930, No. 6 (February), p. 1. (In Russ.)

REFERENCES

1. Gromova, N. *Uzel. Poety. Druzhby. Razryvy. Iz literaturnogo byta kontsa 20-kh–30-kh godov* [Knot. Poets. Friendship. Breaks. From the Literary Life of the Late 20s–30s]. Moscow, Corpus Publ., 2015. 608 p. (In Russ.)
2. Kovalenko, S.A. *Poety-konstruktivisty* [Constructivist Poets]. *Portrety poetov* [Portraits of Poets]. Vol. 1. Moscow, IMLI RAN Publ., 2008, pp. 612–656. (In Russ.)
3. Kovalenko, S.A. *Romantiki boev i pokhodov: Nikolai Tikhonov, Eduard Bagritskii, Vladimir Lugovskoi, Mikhail Svetlov* [Romantics of Battles and Campaigns: Nikolai Tikhonov, Eduard Bagritsky, Vladimir Lugovskoy, Mikhail Svetlov]. *Portrety poetov* [Portraits of Poets]. Vol. 1, Moscow, IMLI RAN Publ., 2008, pp. 657–712. (In Russ.)
4. Prilepin, Z. “Poka kapkan sudby ne shchelknul...” *Slovo pro Lugovskogo* [“Until the Trap of Fate Clicked...” A Word about Lugovskoy]. Prilepin, Z. *Nepokhozhie poety. Tragedii i sudby bolshevistskoi epokhi: Anatolii Mariengof, Boris Kornilov, Vladimir Lugovskoi* [Dissimilar Poets. Tragedies and Fates of the Bolshevik Era: Anatoly Mariengof, Boris Kornilov, Vladimir Lugovskoy]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2015, pp. 243–365. (In Russ.)
5. Zelinsky, K. *Kentavr revoliutsii (O Vladimire Lugovskom)* [Centaur of the Revolution (About Vladimir

18. *Literaturnaia entsiklopediia* [Literary Encyclopedia]. Vol. 6, Moscow, OGIZ RSFSR, state. dictionary-encyclop. publishing house “Sov. Encycl.”, 1932. (In Russ.)
19. *Vecherniaia Moskva*. [Evening Moscow]. Feb. 24, 1930, p. 4. (In Russ.)
20. *Vecherniaia Moskva*. [Evening Moscow]. March 6, 1930, p. 4. (In Russ.)
21. *Vecherniaia Moskva*. [Evening Moscow]. March 11, 1930, p. 3. (In Russ.)
22. *Vecherniaia Moskva*. [Evening Moscow]. March 15, 1930, p. 3. (In Russ.)
23. Kornienko, N.V., Klementiev, R.E. *Literaturnyi tsentr konstruktivistov na puti v RAPP (K istorii literaturnoi zhizni rubezha 1920–1930-kh gg.)* [Literary Center of the Constructivists on the Way to RAPP (On the History of Literary Life at the Turn of the 1920s–1930s)]. *Studia Litterarum*. 2021, V. 6, No. 3, pp. 304–321. (In Russ.)
24. Moskovskaya, D.S. *Proletarskaya literatura kak proekt* [Proletarian Literature as a Project]. *Novoe literaturnoe obozreniye* [New Literary Review]. 2021, No. 5, pp. 80–93. (In Russ.)
25. Shvetsov, S. *Na Lugovskogo* [On Lugovsky]. *Na literaturnom postu* [At the Literary Post]. 1930, No. 5–6 (March), p. 122. (In Russ.)
26. *Posle rokovogo vystrela: Vladimir Maiakovskii i “neistovye revniteli”* [After the Fatal Shot: Vladimir Mayakovsky and the “Frantic Zealots”]. *Pravda* [Truth]. July 22, 1988, p. 4. (In Russ.)
27. Averbakh, L., Sutyurin, V., Panferov, F. *Pamiati Maikovskogo* [In Memory of Mayakovsky]. *Pravda* [Truth], May 19, 1930, pp. 4–5. (In Russ.)
28. Kor, B. *Ne poputchik, a soizuznik ili vrag* [Not a Fellow Traveler, but an Ally or an Enemy]. *Na literaturnom postu* [At a Literary Post]. 1931, No. 2 (January), pp. 39–40. (In Russ.)
29. Selivanovsky, A. *Tvorcheskii puti proletarskoi poezii [chast 2]* [Creative Ways of Proletarian Poetry [Part 2]]. *Na literaturnom postu* [At the Literary Post]. 1931, No. 6 (Feb.), pp. 18–25. (In Russ.)
30. *Chelovek-orkestr* [Man-Orchestra]. *Na literaturnom postu* [At the Literary Post]. 1931, No. 8 (March), p. 39. (In Russ.)
31. *Tvorcheskii otchet V. Lugovskogo* [Creative Report of V. Lugovsky]. *Literaturnaia gazeta* [Literary Newspaper]. March 17, 1932, p. 4. (In Russ.)
32. *Kto okazalsia prav? Tvorcheskii otchet V. Lugovskogo* [Who Was Right? Creative Report of V. Lugovsky]. *Literaturnaia gazeta* [Literary Newspaper]. March 23, 1932, p. 1. (In Russ.)
33. Lugovskoy, V. *Moi put' k proletarskoi literature. (Iz doklada na poeticheskom soveshchanii v RAPP)* [My Way to Proletarian Literature. (From a Report at a Poetry Meeting at RAPP)]. *Izvestiia* [News]. Apr. 21, 1932, p. 4. (In Russ.)
34. Lugovskoy, V. *Moi put' k proletarskoi literature* [My Way to Proletarian Literature]. *Krasnaya Nov'* [Red Novelty]. 1932, No. 5, pp. 175–188. (In Russ.)
35. *Kak my rabotaem* [How We Work]. *Literaturnaia gazeta* [Literary Newspaper]. July 5, 1930, p. 3. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 24 апреля 2022 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 15 мая 2022 г.
 Статья принята к публикации: 29 июня 2022 г.
 Дата публикации: 31 августа 2022 г.

Received by Editor on April 24, 2022
 Revised on May 15, 2022
 Accepted on June 29, 2022
 Date of publication: August 31, 2022